

А.И.Аргентовъ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ В НИЖНЕКОЛЫМСКОМЪ КРАѢ

1843-1857 гг.

(Изъ воспоминаній священника.)

Туземцы любятъ свой край отъ души, какъ отъ души только можетъ любить свой отеческій кровъ неизбалованный еще ребенокъ.

Свобода совѣсти, свобода дѣйствій, родина святая, воля дорогая, просторъ безграничный, — вотъ что нравится туземнымъ племенамъ. которыя, на глубокомъ сѣверо-востокѣ Сибири, живутъ особнякомъ отъ остальнаго міра, и по вѣроисповѣданію, языку, нравамъ и привычкамъ составляютъ свой особый міръ и вянутъ, не разцвѣтши. Съ одной стороны, именно съ востока и сѣвера, край замкнутъ, отдѣленъ отъ остальнаго міра ледяными морями; съ другой стороны, съ запада и юга, онъ также замкнутъ залегающими тамъ верстъ на тысячу, трудно проходимыми топяи и дебрями, и сомкнувшимися цѣпью въ сплошныя ряды скалистыми горами съ ихъ безпривѣтными гольцами и сопками, какъ называютъ тамъ вершины утесовъ, лишенныя всякой растительности, кромѣ развѣ какихъ нибудь ползучихъ лишаевъ.

Край этотъ, однако, не забыть у Бога. Осязательнымъ, нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ то, что здѣсь «водятся» разные люди, бродящіе по дѣвственнымъ дебрямъ, подобно птицамъ небеснымъ, и при томъ, довольные судьбою люди.

Край не производитъ ни хлѣбныхъ растеній, ни питательныхъ злаковъ, кромѣ весьма немногих, совершенно дикихъ, каковы: макарша, сардана, съѣдобная осока и тому подобныя дикія растенія которыя могутъ быть употребляемы человекомъ въ пищу только по нуждѣ. Но, по нуждѣ, чѣмъ не приходится питаться человеку? По нужде якутъ сосновую кору ѣсть, чтобы хоть брюхо обмануть. Юкагирь ѣсть сладкіе прутки тальничные на Анюѣ. На Шелагскомъ мысѣ чукча ѣст тальничный листь съ ворванью. Съ тою же ворванью не разъ и самъ я ѣлъ ягель какой нибудь и заячій stercus¹, да и мало ли ещё чего такого тамъ, и, разумѣется, доволенъ даже былъ. И доволенъ былъ, пожалуй бы, и лебедою, гдѣ есть лебеда, а тамъ и её не имѣется. Но, все то, что есть тамъ, что изъ растительнаго міра я перечислилъ, — всё это, вмѣстѣ взятое, равняется нулю, при рѣчи о правильномъ народномъ продовольствіи. Ближайшій хлѣбный рынокъ — Якутск, отъ Нижнеколымска 2600 верстъ наисквернѣйшаго пути. Понятное дѣло, частному лицу такой хлѣб не помога въ Нижнеколымскѣ, а и тѣмъ паче на какомъ нибудь Чаванѣ и Шелагскомъ мысѣ.

¹ stercus (лат.) — помёт. — прим. OCR.

— Но вѣдь вотъ же живы чѣмъ-то люди тамъ?

— Рыбою, преимущественно, довольствуемся мы, и безъ хлѣба и безъ соли.

Здѣсь водится, и притомъ въ изобиліи, лучшая въ мірѣ рыба, по вкусу: омуль, хайрюзь, чирь, муксунъ, нельма пудовая, стерлядь пятичетверная, пеллядь, сельди. Главное продовольствіе — омуль, муксунъ и особенно сельдь, «наша манна благодатная».

И точно сельди здѣсь напоминаютъ библейскую манну, въ какомъ смыслѣ? — Вкусная рыба, питательная, сочная, нѣжная (къ лежкѣ не способна), и такъ изобильна, что, въ добрые годы, безъ большаго труда остается лишь черпать ее изъ рѣки, какъ изъ садка, брать, какъ изъ амбара, сколь кому угодно и надо. Но всегда ли годы добрые у насъ? И черныя, самая черныя междулѣтія не рѣдкость.

Лоси водятся (сахатый — по туземному, «казакъ»). Полевыхъ оленей много. Горные бараны еще не вывелись. Зайцевъ много, русаковъ нѣтъ впрочемъ, а черные зайцы рѣдкость, какъ и бѣлыя бѣлки. Напротивъ, мышъ-альбиносъ встрѣчается часто, особенно въ приморской полосѣ, по припайку Алазейскаго лимана.

Немаловажное подспорье по продовольствію составляютъ тюлени, по туземному — нерпа. Затѣмъ, — моржи (извѣстны болѣе чукчамъ) и извергаемые моремъ киты.

Водоплавающая птица во множествѣ появляется въ весеннее время и лѣтомъ. Гуси разные, лебеди, утки. Палками бьемъ, собаками травимъ, табунами въ огородъ (какъ барановъ) загоняемъ, — честное слово, повѣрьте!..

Бѣлаго красноброваго тетерева, по туземному кабео, куропандя, налетаетъ тьма. Птиць этого рода (кабео, куропандя) изъ одной мѣстности въ другую переносить вѣтеръ. Не туда она летитъ, куропандя красноглазая, куда хотѣла бы сама, а куда несетъ ее вѣтеръ. То же слѣдуетъ сказать о домашнихъ оленяхъ. На открытой тундрѣ снѣговая буря гоняетъ ихъ, и вовсе угоняетъ безвозвратно иногда, цѣлыми стадами. Но рѣчь о куропандѣ, о бѣлыхъ тетеревахъ. Нежданно они появляются цѣлою массою тамъ, гдѣ наканунѣ не было и одного, и вотъ тутъ-то у заголодалаго юкагира начинается праздникъ обжорный.

Птичьи яйца извѣстны, какъ лакомство, какъ роскошь стола. Съ кузовомъ, бывало, ходишь по притонамъ¹; собираешь гусятныя, лебединыя, утиныя яйца, какъ въ иныхъ мѣстахъ собираютъ грибы. А вотъ грибовъ-то тамъ самая малость; да мы даже брезгуемъ ими, кромѣ мухомора, впрочемъ, которымъ мы дорожимъ: 1, 2, 3 рубля за штуку дать готовы.

Только яйца чаекъ достаются не легко. Приморскія чайки гнѣздятся по неприступнымъ отвѣснымъ утесамъ. Поглядишь, бывало, на чайачью колонию,

---

¹ Здесь «притон» - в старом значении этого слова – место, где чего-то постоянно много. – прим. OCR.

открыто расположенную гдѣ-то, тамъ (око видитъ зубъ нейметъ), да и мимо, бывало.

Отъ чаекъ до орла — крюкъ не великъ. Сдѣлаемъ экскурсію сюда. — Какъ охотимся мы на орла? Его не подкарауливаемъ мы, не скрадываемъ, из-за куста не бьемъ. Грѣшно. Охотникъ открыто идетъ на орла. Дѣлаетъ три остановки, каждый разъ приговаривая:

— «Эй, орелъ, ты видишь, я къ тебѣ иду; мнѣ нужны для стрѣлъ твои перья золотыя». — Если послѣ третьяго предостереженія орелъ не улетѣлъ — позволяется стрѣлять, по нашему закону. Безъ этой предосторожности бить орла, значитъ бить свое счастье. Такъ по нашему закону.

И рыбы, и звѣря, и птицы довольно. Но всегда ли? Говорю, и черныя междолѣтія не рѣдкость. Вотъ птица улетѣла, звѣрь ускользнулъ, рыбы неуловъ. Черная година. Поблекъ юкагирь, померкли глаза. Неоткуда ждать поддержки, развѣ изъ казны? О, помилуй, Царь небесный. Но объ этомъ послѣ.

Главное обезпеченіе народнаго продовольствія — рунная¹ рыба. Она поднимается съ моря. Въ самомъ морѣ не производится рыбныхъ промысловъ, за неумѣніемъ и неимѣніемъ средствъ.

Чтобы съ моря въ рѣку руно поднялось, — требуется счастливое совпаденіе доброй воды, добраго погодья, добраго безледья въ рѣчныхъ устьяхъ и по морскому лиману. При совпаденіи всѣхъ этихъ условій, надѣемся, годъ будетъ сытый.

Но рѣчное устье обмелѣло, заметанное иломъ; вода мала, лиманъ заваленъ льдомъ: руно не входитъ въ рѣку, оно куда-то въ сторону направилось, невѣдомо куда. Морскіе пути рунной рыбы не изслѣдованы здѣсь. Знаемъ, рыба съ запада приходитъ къ намъ на Колыму, съ Индигирской, съ Ленской стороны; еще мы знаемъ только, — рыба поднимается, или не поднимается въ рѣку.

Вѣроятно, стерлядь, омуль, нельма и муксунъ приходятъ съ запада. Но сельди здѣшнія, колымскія, принадлежатъ къ особой породѣ. Крупныя онѣ, что байкальскій называемый омуль, 5-6 вершковыя², считая съ головою и хвостомъ. Есть предположеніе, что наши сельди, по крайней мѣрѣ, частію, зимуютъ въ приколымскомъ лиманѣ. Наша догадка. Она основана на фактѣ, что въ желудкѣ тюленей, тамъ пойманныхъ передъ весною, находили сельдевыя кости.

Послѣ нереста, то есть выметавъ икру, рунная рыба спускается (плавится, поплавная рыба) внизъ по рѣкѣ, начиная съ половины сентября, и въ октябрѣ залегаетъ на зимовку въ ямахъ, — ямная рыба. Очень вѣроятно, что и рыба,

---

¹ Рунная (устар.) — то есть стадная, которая ходит косяками. Соответственно, руно — стадо, косяк. — прим. OCR.

² Т.е. 22-26 см.

передъ весною находимая въ желудкѣ тюленей, принадлежитъ къ разряду ямной рыбы.

Вредятъ рыбному промыслу низовыя воды, когда море пучить — спираетъ рѣку, которая въ такомъ случаѣ (Колыма) на сотню верстъ и болѣе останавливается въ своемъ обычномъ теченіи, затопивъ ложбины, снявъ притоманныя мѣста. Вредятъ и вѣтры, производя большое волненіе на 3-7 верстной ширинѣ рѣки. Отсюда выходитъ, что и по входѣ рунной рыбы въ рѣку, вѣренъ не всегда еще уловъ на Колымѣ.

Колыма — главная рѣка здѣшняго края. Протяженіе ея, отъ истоковъ до Ледовитаго моря, въ которое она впадаетъ, полагаютъ 1700 верстъ.

Такъ или иначе, а черныя междолѣтія не рѣдкость здѣсь. Неупромыслица тоже не рѣдкость. За каждую неупромыслицею слѣдуетъ, — вѣчная ея спутница, — голодовка; за голодовкою, и вмѣстѣ съ нею, горячка голодная грядетъ; за горячкою, и рядомъ съ нею, слѣдуетъ убійственный тифъ.

При появленіи голодной горячки, на продовольствіе народу отпускается казенный хлѣбъ, по три и по пяти фунтовъ на человѣка въ мѣсяць. Конечно, отпускъ этотъ дѣлается съ разрѣшенія областнаго правленія, до котораго отъ Нижнеколымска 2600 верстъ. Туда (въ Якутскъ) пошлютъ, сюда пришлютъ бумагу, — въ ожиданіи мѣсяца три.

Конечно, хлѣбъ казенный раздается народу въ видѣ невозвратнаго, безнадежнаго долга, за неимѣніемъ средствъ къ уплатѣ, при совершенномъ обнищаніи народа, при полномъ безземеліи крестьянъ, обязанныхъ, впрочемъ, исполнять всѣ крестьянскія повинности. И староста у нихъ есть свой, и писарь свой.

Но, Богъ мой, что за хлѣбъ казенный тамъ во время оно раздавали голодному народу, да, вѣроятно, и теперь не лучше! Употребляемое голодными юкагирами худое маняло не могло быть хуже казеннаго хлѣба, по нуждѣ купленнаго мною, пудъ за 4½ рубля серебромъ. Зеленыя комья съ рѣчнымъ иломъ. Болтушку дѣлалъ я, собака голодная понюхала, а лакать не стала. Полагаю, — то былъ казенный запасъ доставки 1827 года, сберегавшійся двадцать лѣтъ. Вѣроятно, впрочемъ, теперь ужъ лучше стало тамъ. Мнѣ писали, что теперь и священники тамъ съ хлѣбомъ стали, казенный паекъ получаютъ.

Голодная горячка обрѣдѣла массу народную, а кто остался живъ — опѣшилъ. Отъ безкормицы, рабочій скотъ весь передохъ (собаки). Не на чемъ стало ѣздить въ лѣсъ за дровами. И послѣдняя одеженка (лопотышка) ушла къ кулаку за ѣдушку. А кулаки вотъ есть же и тамъ, благодѣтели наши, кормильцы. При мнѣ было всего два-три кулака.

Что за климатъ! Зима со своими мятелями и бурями снѣговыми тянется 9½ мѣсяцевъ, затѣмъ 2½ мѣсяца стоитъ одна банная сырость, и это называется

тамъ «кіясное Ъто», то-есть, красное лѣто, когда въ банной атмосферѣ носится повсемѣстный туманъ невзрачныхъ, мелкихъ, надоѣдливыхъ, кровожадныхъ насѣкомыхъ, каковы тамъ комары и мошкара. Не знаешь покоя отъ нихъ ни ночью, ни днемъ, ни дома, ни въ полѣ, ни въ лѣсу. Оттого тамъ въ лѣтнее время ходитъ каждый, прикрываясь сѣткою волосяною, похожею нѣсколько на сѣтку пчеляка. И дома у себя съ дымокуромъ сидимъ. За то тамъ нѣтъ ни блохъ, ни таракановъ; за то тамъ лѣтнею порою «солнце незаходимое».

Зима суровая, лѣто не мягкое, да и весь тамъ годъ — нижнеколымскій годъ. Средняя температура по R. — 8° ниже нуля за 12 мѣсяцевъ и ниже 30° за декабрь и январь. Въ маѣ, въ іюнѣ — день безсмѣнный; въ ноябрѣ, въ декабрѣ — безсмѣнная ночь; въ апрѣлѣ, въ іюлѣ — заря съ зарею сходится. Картинно, поэтично; никакая фантазія создать лучшей картины не можетъ.

Что за климатъ! Не встрѣчаешь даже сосны, ни пихты, ни ели — этихъ растеній крайняго сѣвера. Береза превратилась въ ерникъ, ольха — въ низкорослый кустарникъ, сибирскій кедръ великолѣпный превратился въ сланецъ. Широкая полоса земли, примыкающая къ морю, остается вовсе безъ древесной растительности. Это и есть собственно тундра, поросшая ягелемъ, подернутая болотистымъ мхомъ и ползучими лишаями.

Попытки развести огородныя растенія: картофель, рѣпу, капусту, оказались совершенно безплодными.

Пятьсотъ верстъ юго-западнѣе Собачьяго острога¹, въ Среднеколымскѣ, разъ какъ-то уродилась рѣпа съ чайное блюдо, картофель съ грецкій орѣхъ; ячмень и конопля дали хорошій ростъ и цвѣли. Судя по этимъ опытамъ, стоило бы тамъ заниматься травосѣяніемъ и разведеніемъ картофеля. Травосѣяніемъ никто не занимается тамъ за изобиліемъ естественныхъ луговъ и богатыхъ тучною травою пастбищъ. Подъ картофель, и вмѣстѣ съ рѣпою, во всемъ Колымскомъ округѣ (не менѣе любой изъ внутреннихъ губерній) занимается только грядка одна — 3½ аршина.

Видимо, культурнымъ растеніямъ не родъ тамъ и не водъ. Видимо, дѣятельность растительнаго міра суживается тамъ и замираетъ. Можетъ быть, не замираетъ ли тамъ и человѣкъ точно такъ же всегда зависящій во многомъ отъ климата и почвы?

Таковы, въ общемъ, географія края, климатъ, растительность и средства продовольственныя. Не только выродилась растительность, но и русское племя превратилось въ кочевое, потому только не бродячее, что у русскихъ нѣтъ почти другого тамъ рабочаго скота, кромѣ собакъ; а собачье хозяйство требуетъ нѣкотораго прикрѣпленія къ мѣсту, требуетъ жизни сидячей, хоть тѣни того, что собственно составляетъ осѣдность. Русскій человѣкъ уподобился юкагиру, по способу пропитанія и образу жизни. Ближайшая

---

¹ Собачимъ острогомъ въ старинныхъ документахъ именуется Нижнеколымскъ.

причина этого — необезпеченность народнаго продовольствія и тѣ особенности, какія свойственны собачьему хозяйству.

Въ Нижнеколымскѣ съ два десятка лачугъ, ни одна не крытая. Въ зимнее время ледяныя окна, въ лѣтнее — изъ налимьей шкуры. Печи (чувалы, каминны) деревянныя, обмазанныя глиною. Такія же и трубы печныя. Онѣ, вмѣсто вьюшки, затыкаются кожанною затычкою. Отъ пожаровъ Богъ хранитъ.

Церковь? Объ ней я буду говорить подробнѣе въ другое время. — Утварь изъ Анадырска. Это какъ могло случиться?

Въ 1747 году маіоръ Павлуцкій въ Анадырскій острогъ тьму тьмущую нагналъ народа. Противъ чукчей дѣло шло. Всю эту тьму тьмущую побили чукчи и самого Павлуцкаго (14 марта 1747 года) убили. Полковника Ибакланику послали туда; и полковника убили чукчи. До «янараловъ» не дошло, а то непременно наша бы взяла, и чукчи не хвалились бы своей побѣдой. Тогда, послѣ Ибакланику, наши махнули рукою: Не стоитъ-де связываться съ дураками! — Анадырскъ былъ закрытъ, церковь упразднена, утварь церковная переведена въ Нижнеколымскъ.

Въ Анадырскѣ былъ шестисотный горнизонъ. При упраздненіи Анадырска, военное орудіе (мортиры, пушки) тамъ зарыты въ землю. Это — со словъ столѣтняго Андрея Кобелева. Онъ — анадырскій уроженецъ; тамъ выросъ, многое помнитъ, многое видѣлъ; нынѣ онъ — штатный чукотскій переводчикъ (1844 г.), сотникъ. При разрушеніи Анадырска, онъ уже мальчуганомъ былъ. Когда чукчи штурмовали Анадырскъ, пуская въ осажденныхъ тучи стрѣлъ, Кобелевъ костянки (стрѣлы) подбиралъ. Еще рассказывалъ онъ мнѣ: «Когда крестъ, снятый съ церкви, спустили на рѣку Анадырь, крестъ не утонулъ и не легъ, а стоямя остановился на водѣ; старики изъ сего заключили о будущемъ возстановленіи церкви и креста въ Анадырскѣ». Но будемъ продолжать о Нижнеколымскѣ.

Жители набираются сюда (Нижнеколымскѣ) передъ весною только. Въ другое время, здѣсь священникъ безъ причта, фельдфебель безъ команды, и одна купчиха безъ товара и денегъ. Пусто, скучно, хоть бы съ вахтеромъ познакомиться! Сей стражъ казеннаго добра — природный русскій человекъ. Онъ среднихъ лѣтъ, безъ бороды (не выросла), какъ и всѣ безбородные туземцы; средняго роста, сухощавъ, держится прямо, имѣетъ хорошее (дальнобойное) зрѣніе, легокъ на ходъбѣ. И зимою и лѣтомъ онъ носитъ мѣховую шапку (малахай). На плечахъ — камлея у него; а холодно, онъ парку надѣваетъ, кухлянку, сутуры. Я описалъ туземный типъ и туземный туалетъ. Осталось прибавить: сорочки у вахтера на грѣшномъ тѣлѣ не случилось.

Тяжелымъ бременемъ упали на туземца нѣкоторыя изъ земскихъ повинностей. Напримѣръ — почтовая гоньба, которую здѣшніе обыватели отбываютъ натурою, за сотни верстъ гоньбу подводную гоняя. Везутъ они

исправника, священника, лекаря, оспопрививателя, гонца, арестанта, чиновника особыхъ порученій, почту, и все это обязательно, и все это задаромъ, не получая прогоновъ. Да, и почту возять тамъ безмездно. Это дѣлается такъ:

Фельдфебель, въ рукахъ котораго сосредоточена вся мѣстная администрація, чрезъ нарочнаго требуетъ очереднаго обывателя съ собаками въ Нижнеколымскъ, на примѣръ, изъ Кабачковой, деревни въ три двора, 120 верстъ отъ Нижнеколымска. Отсюда (изъ Нижнеколымска) обыватель отвозитъ почту съ казакомъ вверхъ по Колымѣ до урочища Кресты, верстъ отъ Нижнеколымска съ 240. Итого, отъ дома и родной семьи, оставленной на Божій произволъ (храни Никола!), 360 верстъ. Обратнаго пути отъ Крестовъ до Кабачковой — 360, а всего, взадъ и впередъ, 720 верстъ. Независимо отъ сего, съ тѣхъ же обывателей взимается денежная повинность за отбываніе почтовой гоньбы. Такъ было въ годы 1843-1856.

При подавляющихъ экономическихъ условіяхъ, когда край не можетъ пропитывать себя, народъ не можетъ расти и множиться. Довольно если онъ поддерживалъ бы свое существованіе и свою численность; но и въ этомъ отношеніи я сомнѣваюсь: скорѣе приходишь къ выводу, что населеніе не поддерживаетъ численности своей естественнымъ нарожденіемъ, и колонизація извнѣ тоже была бы усиліемъ тщетнымъ. Одрѣ племена вымираютъ — чуванцы и разныхъ родовъ юкагиры, осѣвшіе по Анюямъ и рѣкѣ Омолону; другія туземныя племена ужъ вымерли: омоки, чавачи, шелаги.

У алазейскихъ юкагировъ сохранилось преданіе, въ свое время отмѣченное мною, что шелаги были некрещеный народъ, русскаго происхожденія. Еще я слышалъ тамъ, что не чукчи, а русскіе съ Шелагскаго мыса въ байдарахъ приплывали громить Колыму.

Сохранилось преданіе, что омоки были очень, очень многочисленное племя, — «какъ комары». «Ледъ зимній трещалъ у нихъ подъ ногами, когда собирались они на народныя игрища и для совѣщаній». Нынѣшнимъ юкагирамъ не до народныхъ игрищъ. Не тѣ времена. И некому собираться, и нечего ѣсть имъ, и не во что одѣться по праздничному. Обезлюдился край, обѣднѣлъ (та же исторія и съ Камчаткой). Но какъ же всего доставало древнимъ омокамъ?

Есть данныя, заставляющія предполагать, что Ледовитое море здѣшнее когда-то было не столь ледовитымъ, какъ нынѣ. Колымскій лиманъ лежалъ на 120 в. южнѣе, чѣмъ лежитъ онъ теперь.

Сохранилось смутное преданіе у аборигеновъ, подтверждаемое ископаемыми костями разныхъ домашнихъ животныхъ, что, давно-давно, когда то, въ краѣ были овцы, лошади, рогатый скотъ. Это даетъ поводъ думать,

что, въ былыя времена, инья здѣсь климатическія условія были. А при иныхъ условіяхъ и все иное было.

Большія партіи обязательныхъ переселенцевъ, которые въ прошломъ столѣтіи были присланы сюда и здѣсь водворены, вымерли всѣ безъ остатка. Одна такая партія состояла изъ 160 человѣкъ.

Здѣсь даже не держится скоть выписной. Въ прошломъ столѣтіи, нѣкій несчастный баронъ (изъ государственныхъ преступниковъ, современникъ графа Головкина, умершаго въ Среднеколымскѣ) сосланный въ Собачій Острогъ (здѣсь и умеръ), выписалъ сюда изъ Якутска сотни головъ рогатаго и коннаго скота. Не осталось и копыта. Все пріѣли голодные годы.

Въ 1817-1819 годахъ сотникъ Третьяковъ выписалъ изъ Якутска 120 головъ рогатаго и коннаго скота. Не осталось и копыта. Все пріѣли голодные годы.

Казакъ Семень Котельниковъ (это ужъ мой современникъ) расплодилъ 160 штукъ коннаго скота. Въ одну несчастную зиму (подножный кормъ заледенѣлъ, какъ выражаются тамъ) весь этотъ скоть передохъ отъ безкормицы.

Добровольно водворившіеся здѣсь бѣглецы, вольница разная, промотавшіеся торгаши, ссыльные разные, недавніе поселенцы, сами они и дѣти ихъ — вотъ наличные представители русскаго племени въ краѣ.

Не всѣ такіе. Міръ не можетъ только гущею единою держаться. Конечно, есть и люде препочтенные. Имъ я шлю поклонъ, кто живъ; а кто умеръ, вѣчная память!

Всѣ они, силою вещей, превратились въ жалкихъ кочевниковъ, рыболововъ, звѣролововъ. Народъ — ихтіофаги, и собачье хозяйство у нихъ завелось. Ясная аналогія того, что выше мы сказали о берѣзѣ, ольхѣ, кедрѣ...

Достаточно трехъ лѣтъ постояннаго тамъ пребыванія, что бы превратиться въ кочевника; 15 лѣтъ (я пробылъ тамъ 15 лѣтъ) достаточно вполнѣ, чтобы окончательно объюкагириться, если не вовсе одичать. Такъ этому и быть должно въ обособленной странѣ собачьяго хозяйства.

Старые мои друзья, пріятели обидятся ли замѣчаніемъ моимъ? Я описываю край, а не друзей моихъ почтенныхъ, добрыхъ, которыхъ не забылъ и не забуду, будь тамъ на Чаванѣ въ Чукоціи они, будь они на Колыхѣ.

Говорю, пятнадцать лѣтъ я пробылъ тамъ. Объюкагирился преизрядно. Когда затѣмъ я прибылъ въ Иркутскъ, за бѣлаго медвѣдя въ Иркутскѣ слылъ.

Забавная исторія на первыхъ порахъ со мною стряслась въ Иркутскѣ. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири (графъ Амурскій) пожелалъ на «бѣлаго медвѣдя» поглядѣть. Генеральскій экипажъ ко мнѣ, за мной, послать изволилъ и нѣкоего дѣйствительнаго статскаго совѣтника. — Генераль зоветъ. — Вотъ, думаю, бѣда бѣдущая! Кто ихъ зналъ, зачѣмъ зовутъ? Не

упереться ли?.. А впрочемъ, все благополучно обошлось. Графъ милостиво принялъ бѣлаго медвѣдя, милостиво говорилъ, много сдѣлалъ мнѣ добра.

Въ Нижнеколымскомъ краѣ есть множество озеръ большихъ и малыхъ. Обстоятельство очень благопріятное для хозяйственнаго разведенія и содержанія рыбы. Но объ искусственномъ разведеніи и содержаніи рыбы юкагиру не приходило и на умъ. Всѣ тамъ думу думаютъ одну: не какъ бы рыбу разводить, а какъ бы рыбу изводить, и это удается имъ вполнѣ. Разные вредные способы придуманы у нихъ на этотъ счетъ. Самый зловредный въ томъ состоитъ, чтобы губить рыбу багульникомъ (*Iedum palustre* — растеніе изъ семейства родендроновъ). Его спускаютъ съ камнемъ въ озеро подъ ледъ. Багульникъ одуряетъ рыбу, которая затѣмъ, ошалѣвъ, поднимается съ зимнихъ логовищъ своихъ, дохнетъ, лѣзетъ вонъ изъ воды. Озеро стаетъ безрыбнымъ, и въ немъ ужъ послѣ — ни молявки. Этимъ варварскимъ способомъ и другими, не менѣе варварскими, во многихъ озерахъ рыбу извели.

Наше правило такое: досталось бы намъ, а тамъ опослѣ — хоть трава не расти!

И не стало рыбы тамъ во многихъ озерахъ, какъ во многихъ внутреннихъ губерніяхъ не стало лѣса, казавшагося неистоцимымъ.

Рыба въ озерахъ повывелась, а съ моря въ рѣку не всегда поднимается руна.

Звѣрь повывелся при многомъ множествѣ охотниковъ. Что человѣкъ тамъ, то и охотникъ, да вѣдь какой, онъ этимъ только и живетъ и дышетъ. Звѣрь истребленъ винтовкою, петлею, лукомъ, пометомъ¹, пастями², черканомъ³, клепцою⁴, гоньбою⁵, поколюгою⁶, ямой⁷, роскопкой⁸. И если одинъ охотникъ устраиваетъ сотни ловушекъ, приходится повѣрить, что лѣсъ запруженъ огородами, самострѣлами и всевозможными тамъ ухищреніями, чтобы звѣря обмануть.

Повывелся звѣрь. а иной отшатился⁹, чему способствовали также лѣсные и тундренные пожары.

Замѣтить случилось еще, что млекопитающія животныя гибнутъ отъ голода и эпидемій. Рѣчь о полевыхъ животныхъ. Птица гибнетъ отъ голода и отъ снѣговыхъ метелей лѣтнихъ. Массами гибнутъ ласточки, утки, пловунцы и разная пернатая мелкота. Періодически дохнетъ рѣчная рыба и сама собою,

¹ пометом - то есть разбрасываемой отравой. — прим. OCR.

² пасть — западня с насторожкой, где крышка или затворка, падая, запирает зверя; яма, для ловли зверя. Для ловли рыбы - то же, что корчага или морда. — прим. OCR.

³ черкан - ловушка, защемляющая зверька за шею или поперек тела. — прим. OCR.

⁴ клепца, также клепец, кляпца и т.п. — капкан или иная ловушка ударного типа, убивающая зверя зазубренным рычагом. — прим. OCR.

⁵ гоньбою — т.е. преследованием самим охотником. — прим. OCR.

⁶ поколюга — род копыя или нож, насаженный на древко. — прим. OCR.

⁷ ямой — т.е. ловчей ямой. — прим. OCR.

⁸ роскопкой — т.е. раскапыванием нор и убежищ зверьков - прим. OCR.

⁹ отшатился — т.е. ушел, откочевал. - прим. OCR.

безъ юкагирскаго усердія. Верхъ брюхомъ начинаетъ плавать сперва, даже въ такой большой рѣкѣ, какова Колыма, а потомъ и капутъ. Снетъ¹.

Не стало рыбы, не стало звѣря, не стало птицы. Всего этого не стало сравнительно съ тѣмъ, конечно, что прежде здѣсь бывало, что помнятъ старики.

Бѣлые гуси, — это помнятъ еще старики, — на Алазейской тундрѣ, бывало, — «какъ снѣгъ бѣлѣетъ сколь глазъ стигетъ.» — тогда — какъ снѣгъ, а нынѣ ни снѣжинки. Бѣлыхъ гусей теперь у насъ не стало вовсе (только пролетомъ видали), сѣрые обрѣдились, то же и лебеди и утки. Всего умалилъ Богъ!

Однако же, ходъ дѣлъ таковъ: племена тамъ вымираютъ, животная живность сокращается, растенія вырождаются, русскій человѣкъ дѣлается юкагиромъ. Земля заоченѣлая, и море тамъ — Ледовитое море.

Отдаленность хлѣбнаго рынка, казенныя недоимки, купеческіе долги неоплатные, необезпеченность народнаго продовольствія, безземеліе крестьянъ, подворная гоньба, вотъ экономическія тяготы страны. Край не кормитъ себя, и это тамъ гдѣ народонаселеніе такое рѣдкое, — едва ли приходится по одной человѣческой душѣ на квадратную версту.

Тяжелъ строй житья-бытья Нижнеколымскаго края и, при существующихъ условіяхъ, не сулитъ онъ улучшеній впереди.

Но туземецъ не унываетъ, отчаяніе — не его удѣлъ. Что поддерживаетъ бѣдняка? Безпримѣрная безпечность и образцовая беззаботность. Ничего онъ не имѣетъ, голоденъ, едва прикрытъ кожаномъ, но онъ не унываетъ. «Буать лисичку Богъ подаетъ». Такъ онъ разсуждаетъ, тянетъ андылку и, при первой же встрѣтившейся оказіи, превесело поетъ и пляшетъ на вечеринкѣ.

Андылка — вокальное выраженіе затаенныхъ думъ, посредствомъ завыванія, безъ словъ.

Одинъ миссіонеръ подмѣтилъ, что «всякъ ропщеть тамъ у нихъ и на всѣхъ и на всё, а самъ на себя никогда не поропщеть.» Выходитъ, — всякъ отдѣльно доволенъ самъ собою, и лишь своимъ сосѣдомъ недоволенъ.

Безпечность показываетъ, что человѣкъ не сознаетъ своего положенія.

На 1900 нижнеколымскихъ парохіанъ² обоого пола, въ 1844 году приходилось семь человѣкъ 70-80 лѣтъ, одинъ человѣкъ 90 лѣтъ, одинъ человѣкъ 100 лѣтняго возраста и одна корякская вдова 116 лѣтъ.

Значитъ, смертность однихъ уравнивается въ нѣкоторой степени устойчивостію другихъ. Значитъ при данныхъ условіяхъ, обезпечивающихъ тамъ народную жизнь, должна быть какая либо норма въ численности населенія; свыше этой нормы, излишнему населенію приходится или

¹ Т.е. «засыпает», гибнет. — прим. OCR.

² парохіане (церк.слав.) — прихожане. — прим. OCR.

вымирать, или выселяться. Бѣдные юкагиры, по неразвитости своей предпочитаютъ первое. Они унаслѣдовали духъ и привычки отцевъ.

Иное дѣло люди русскіе. Многіе изъ нихъ не прочь бы разстаться съ собачьимъ хозяйствомъ, и — помню даже я, — иные затѣвали переселеніе на Амуръ. Но дѣло это замялось, по независящимъ отъ народа обстоятельствомъ. Опасались, чтобы малолюдный край не обезлюдился вовсе.

Замѣчено, что употребленіе туземной превосходной рыбы производитъ половое влеченіе. Замѣчено, что, если уловъ рыбы постоянный, годовъ 5-7 и всё обстоитъ благополучно — ребятишки въ народѣ появляются и растутъ, какъ грибы. Особенно много незаконнорожденныхъ, которые, неизвѣстно почему, подраздѣляются на отческихъ и дикихъ насидышей. Но одинъ голодный годъ, — и все юное поколѣніе сметается съ лица земли, причемъ достается и не юному поколѣнію. Смерть не разбираетъ возрастовъ, голодъ не знаетъ поколѣній.

Болѣзни: тифъ, корь, оспа, сифились, elephantia¹, цынга, жиганка, омеряки. Сюда же приходится причислить и нѣкоторыя фізіологическіе недостатки, отличающіе туземца.

Туземный тифъ не что иное, какъ вторая степень голодной горячки. Третья степень — смерть.

За неимѣніемъ врачебныхъ средствъ, суевѣрный, хотя и крещеный народъ, во время тифозной эпидеміи, какъ и вообще во время всякой хвори, пробавляется темнымъ шаманствомъ, въ которомъ однако же можно поискать и сторону не темную. Отбросивъ предразсудокъ на минуту, взглянемъ безъ пристрастія на дѣло.

Въ краѣ нѣтъ фельдшера, аптекаря, лекаря; нѣтъ акушерки на тысячу верстъ. Повитухой стаетъ, кого случай послалъ и крайняя нужда. Вотъ собачьихъ коноваловъ много тамъ, много и доморощенныхъ дантистовъ: зубы наговоромъ полечить. Ирля берля — пикъ, ирля берля — шикъ.

Православный священникъ одинъ на тысячу верстъ, конечно, всячески почтенный человѣкъ, домашнее образованіе получившій. Шаманы тоже не учились въ семинаріи, — самородки. Но ихъ много и они всегда подъ руками. Услужливый народъ и, можно сказать, стоятъ они на твердой почвѣ. Поѣзжай за священникомъ 100 - 200 верстъ, а шаманъ — тутъ и есть, свой братъ. Только знаменитые шаманы зырянскаго отродья со своими бубнами славятся далеко гдѣ-то за горами, а дюжинные шаманы найдутся въ каждой деревушкѣ.

Всегда смышленный, самородокъ этотъ (шаманъ), служа свои молебны, съ тѣмъ вмѣстѣ служить, сознательно ли, нѣтъ ли, дѣйствительную службу своему паціенту, и хоть изрѣдка даетъ больному дозу какихъ нибудь испытанныхъ цѣлебныхъ веществъ. А самое главное — визитъ его.

---

¹ elephantia – слоновая болезнь. – прим. OCR.

Однимъ своимъ визитомъ много пользы дѣлаетъ шаманъ больному. Вліяетъ на воображеніе страдальца благотворно, поддерживаетъ духъ, возбуждаетъ надежду, успокоиваетъ. Ободряетъ ближнихъ, которые, пожалуй, готовы малодушно бросить страдальца, оставить на съѣденіе комарамъ. Жажда, тоска и сумасшествіе доканалы бы его. Безчеловѣчно это было бы, убійственно, какъ невинному приговоръ заживо къ смерти.

Надобно согласиться, что смышленные шаманы полезны тамъ, гдѣ до лучшаго народныя понятія еще не доросли, гдѣ лучшаго и негдѣ взять. Правда, шаманы обируютъ простаковъ, но тотъ же грѣхъ и не за шаманами водился.

Во время тифа, обыкновенно свирѣпствуетъ голодъ. Народъ изнуренъ невольнымъ постомъ. Не тающая и въ лѣтнее время, земля — свинець. Копать могилу трудно, да и некому, да и нечѣмъ. Зараженные трупы хоронятся только что не поверхъ земли. При такихъ условіяхъ, мертвецы изъ могилъ угрожаютъ живымъ. Кому удалось залечь поглубже, тотъ потомству отдаленному грозитъ и будущимъ родамъ. Это какъ?

На глубинѣ двухъ-трехъ аршинъ, земля у насъ не таетъ никогда. Въ глубокихъ могилахъ трупы, изолированные отъ атмосферныхъ вліяній, не разлагаются, покуда жадный медвѣдь не разрылъ земли, или, чрезъ 100, чрезъ 200 лѣтъ не подмыла могилу рѣка. Тогда, извергнутый изъ земли трупъ портитъ воду и воздухъ. А воронъ, а рыба, — не проглотятъ-ли они чего, не разнесутъ-ли?

Замѣтимъ кстати, что по р. Большому Анюю, якуты, нынѣ живущіе тамъ, обязательно поселены, какъ пособники при переправѣ казеннаго хлѣба этимъ путемъ изъ Якутска въ Гижигу: окольный и неудобный путь, заброшенный теперь.

Ужасъ взглянуть, — вокругъ селенія разбросанные валяются трупы псовъ. И кто ихъ приберетъ, какъ не тотъ же воронъ, коршунъ, волкъ, лисица, — санитарная дружина наша, всегда готовая къ услугамъ тамъ, гдѣ человѣкъ не хочетъ, или не можетъ услужить себѣ?

Трупы, выпавшіе изъ могилы черезъ 200 лѣтъ, оказываются столь же сохранившимися, какъ бы вчера ихъ только схоронили. А есть и такія мѣста въ Восточной Сибири, гдѣ трупы въ землѣ каменѣютъ. А каменнаго лѣса въ Восточной Сибири столько найдется, хотъ городъ строй. Корь и оспа являются періодически, обѣ смертоносны и много народа уносятъ въ могилу. Корь выступаетъ, скрывается и опять выступаетъ, когда уже, казалось, человѣкъ здоровъ. Возвратная корь самая опасная. Особенно губительна корь для кочевыхъ и бродячихъ племенъ, при плохомъ у нихъ устройствѣ жилыхъ помѣщеній дающихъ слабую защиту отъ атмосферныхъ вліяній.

Періоды появленія кори таковы, что одно поколѣніе бываетъ свидѣтелемъ двухъ эпидемій.

Оспа появляется рѣже, годовъ черезъ 85. Злокачественная, самая опустошительная эпидемія. На туземцевъ она наводитъ панической страхъ. Самые лютые, т.е. самые знаменитые шаманы въ робость приходятъ отъ оспы. А если ужъ шаманъ растерялся, — о всѣхъ прочихъ нечего и говорить: всѣ упали духомъ, и паника усиливаетъ зло.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, въ 1885 году на Колымѣ свирѣпствовала оспа самая опустошительная. Болѣе половины народа отправилось *ad patres*¹.

Въ Нижнеколымскѣ есть полуказённый вакцинистъ. Онъ дѣлаетъ свое дѣло, какъ умѣетъ и знаетъ, но я не думаю, что этимъ край отъ зла ужъ застрахованъ. Придетъ пора, — вѣроятно, что она ужъ близко, — и сдѣлаетъ свое (въ 1885 году дѣйствительно она пришла, и сдѣлала свое).

Въ 1868 и 1869 годахъ, въ Забайкальской области, оспа не щадила и привитыхъ. Вѣроятно, то же испытаетъ (и испытала) Колыма. Можно было утѣшаться надеждою, что эпидемія со временемъ сама собою будетъ дѣйствовать слабѣе. Но и тутъ ошибся я въ моемъ расчетѣ. Эпидемія 1885 года была тамъ, пишутъ, самая суровая.

Чукчи не прививаютъ оспы, и, однако же, они отъ оспы умираютъ отнюдь не болѣе, чѣмъ юкагиры наши, коимъ всѣмъ вакцина привита. Забайкальскіе старообрядцы тоже не прививаютъ оспы, а умираютъ отъ оспы отнюдь не болѣе своихъ сосѣдей. Очевидно, сіе не отъ племеннаго начала зависитъ, и не отъ пищи. Чукчи не знаютъ установленныхъ постовъ и не разборчивы въ пищѣ. Кушаютъ все на здоровье, что Богъ имъ посылаетъ. У старообрядцевъ это все наоборотъ. Замѣчу: и старообрядцы и чукчи — народъ прездоровущій. Впрочемъ, я лишь два примѣра указалъ, и, разумѣется, этого мало, чтобы основательно судить о вакцинѣ.

Сифились — полицейская (?) болѣзнь. Не распространяюсь. Колыма не спаслась отъ нее.

Есть тамъ болѣзнь такая, которую, признаться сказать откровенно, я не понимаю и опредѣлить не берусь. Можетъ быть, сухая, сложная венерическая сыпь, а можетъ быть и *legra, elephantia*, проказа. Расскажу случай.

Въ 1847 году прикочевалъ къ Малому Баранову мысу, что на берегу Ледовитаго моря, близъ устья рѣки Колымы, богатый въ то время чукча Аваченка. Было у него 7, или 8 тысячъ оленей, на которыхъ появилась сухая чесоточная сыпь. Черезъ 18 мѣсяцевъ по появленіи сего недуга, не осталось у чукчи ни одного оленя. Всѣ пали. Я осматривалъ зараженнаго теленка. Онъ еще ходилъ на ногахъ, у него (у живаго оленя) отвалилась скула, кость висѣла обнаженная, готовая выпасть. Бѣдное русское семейство, для домашняго обихода, получало отъ чукчи мясо и шкуры зараженныхъ животныхъ. Все это семейство заразилось. Я осматривалъ женщину изъ зараженнаго семейства.

---

¹ *ad patres* (лат.) — «к праотцам». — прим. OCR.

Вся она сплошь была покрыта сухой сыпью, какъ бы мелкими бѣлыми отрубями, изъ-за которыхъ виднѣлось синевато-красное тѣло...¹ Охотнѣе я согласился бы писать о сталактитовыхъ розахъ, которыхъ много тамъ. Тоже и винландія есть тамъ, гдѣ изобиліе винограда чуднаго такого (glacies), въ ротъ положишь, такъ и таетъ самъ. Хорошее лекарство отъ цынги.

Цынга обнаруживается зловоніемъ изо рта. Десны брюзгнутъ, зубы шевелятся. За дальнѣйшимъ развитіемъ не наблюдалъ. Туземное пользованіе: табакъ за щеку клади, кирпичный чай пей, ротъ взваромъ сланцевой коры полощи.

Жиганка? На Руси иного давить въ просонкахъ домовой, кошмаръ, сусѣдка. На Колымѣ туземца давить жиганка. Блуждающая тѣнь нѣкоей дѣвы, знаменитой шаманки изъ Жиганъ (селеніе на Ленѣ, ниже Якутска). Вольному дѣлается лихо, не выносить, впадаетъ въ полусознаніе, или и вовсе теряетъ сознаніе. Ему мерещится женщина съ распущенными волосами. Бреду своему туземецъ даетъ реальное значеніе. Припадокъ длится минуты, часы, иногда и сутки. Жиганку больные, и кто къ нимъ близко, не называютъ жиганкою, а говорятъ — «она». У нея, одна про всѣхъ, монотонная пѣсня: го-го-го-го.

28-лѣтній здоровый парень гогокалъ неутѣшно двое сутокъ и, постепенно затихая, такъ и умеръ на моихъ глазахъ, въ сознаніе не приходя.

Другой такой же парень, гогокая, изъ стѣны въ стѣну по полу катался кубаремъ съ быстротою неимовѣрною.

Старушка 70-лѣтняя поднялась со смертнаго одра, загогокала, заходила, заплясала, руки въ боки, глаза въ потолокъ, такъ и умерла на ногахъ. То была Виттова пляска, конечно, но гогоканье жиганку обличало. Подумали, — старушка колдунья была. И чтобы старушка колдунья не стала ходить по ночамъ изъ могилы, да подъ окномъ и у воротъ стучать, — хороня, родные пригласили знахаря что-то подѣлать, да поглубже въ землю зарыли старушку.

Можно разговаривать съ «ней», и «она» вамъ расскажетъ, буде выпадетъ стихъ, — гдѣ бывала, чего видала, чего слыхала. Насильственные мѣры, страхъ, испугъ, угрозы, приводятъ больнаго въ себя. Но ближніе, горькимъ опытомъ наученные, избѣгаютъ всякихъ жестокихъ мѣръ въ обращеніи съ больнымъ.

Есть люди, которые дѣву эту признаютъ за строгое святое существо, на томъ основаніи, что дѣвственница она-де строгая; мучитъ грѣшниковъ, и только грѣшниковъ однихъ, за нецѣломудріе помысловъ и дѣяній.

И многіе, слѣдуя Леною мимо Жиганъ, приносятъ жертву «дѣвѣ»: кто — букетъ цвѣтовъ ей въ воду броситъ съ каюка, кто — свѣчку, кто — ленточку, кто — ладона кусочекъ, кто — прядку волосъ.

---

¹ Въ запискахъ преосвящ. Діонисія Якутскаго болѣзнь сія проказою названа: «Тѣло у этого больнаго чукчи все покрыто ранами и наливчатыми пузырями». Годъ 1869.

Омеряковъ мало тамъ, но есть — болѣзненная склонность къ подражанію. Увидѣлъ больной, — махнулъ ли кто рукою, кивнулъ ли головою, и ему пришла неудержимая охота дѣлать то же: и вотъ онъ и рукою машетъ, и головою киваетъ. Услышалъ онъ, — собака воетъ, заоралъ пѣтухъ, и ему пришла неодолимая охота дѣлать то же; и онъ воетъ, и оретъ.

Болѣзнь эта, по преимуществу, якутская, отчасти юкагирская; чукчи не страдаютъ этимъ недугомъ вовсе. И хотя чукчи отлично подражаютъ крику ворона, пыхтѣнію моржа, рюханью оленя, но это не болѣзнь, а любовь къ искусству.

Лихорадка вовсе неизвѣстна; можетъ статься, она приняла инья формы, неподмѣченныя мною. За то я подмѣтилъ фактъ такого рода:

Безъ изъятія, всѣ болѣзненные натуры, постоянно прежде страдавшія лихорадкою, по пріѣздѣ на Колыму, по водвореніи здѣсь, всѣ выздоравливали радикально отъ сего недуга.

Грыжныхъ больныхъ также вовсе не замѣтилъ. А кто туда пріѣхалъ грыжный, да пожилъ тамъ, да моржовины поѣлъ, тотъ отъ грыжи исцѣлялся.

Вотъ современное положеніе края и состояніе его (годы 1843-1856). Не процвѣтаетъ страна. Просторно тамъ, но малоллюдно; нищенская бѣдность юкагирская, замкнутость, даль, пути сообщенія, народное продовольствіе, подводная гоньба, климатъ, вырожденіе растений, вымираніе народа и животныхъ, культурная косность.

Полярный край, по справедливости, принадлежитъ полярному медвѣдю. Вотъ безукоризненный представитель полярной жизни. Ему и жить тамъ, и жирѣть, а человѣку можно и должно жить тамъ, только если это такъ кому ужъ суждено.

Здравый разумъ, при современномъ познаніи вещей и природы, для обитанія культурному человѣку на землѣ, указываетъ полосу хлѣбныхъ и злачныхъ культурныхъ растений. Удаляясь отсюда, человѣкъ неизбѣжно дѣлается кочевникомъ, ведетъ пастушескую жизнь, какая въ полосѣ культурныхъ злаковъ и хлѣбныхъ растений свойственна младенчеству только племенамъ. Чѣмъ далѣе отъ этой полосы на сѣверъ, тѣмъ ближе становится человѣкъ во многомъ похожъ на бѣлаго медвѣдя;

Нисходящая градація пастушеской жизни оканчивается на сѣверѣ оленьимъ хозяйствомъ; нисходящая градація осѣдлой жизни оканчивается собачьимъ хозяйствомъ.

Но долю якута, въ полосѣ приполярныхъ лѣсовъ, досталась корова и лошадь; на долю тундренныхъ пастуховъ приполярного края достался олень; на долю юкагира и ему подобныхъ досталось собачье хозяйство, состоящее въ истребительной войнѣ противъ растительнаго и животнаго міра.

Житель крайнего сѣвера ужъ близокъ къ бѣлому медвѣдю по способамъ питанія своего, а можетъ быть и по нѣкоторымъ особенностямъ привычекъ своихъ и нравовъ. Онъ довольствуется сыродствомъ и нѣкоторыми грубыми дикими растеніями: манялою, тальничнымъ листомъ и даже сосновой корой. Все - хорошо.

Жилище образцоваго туземца носить характеръ медвѣжьей берлоги. Таковы всѣ эти юрты, сайбы, балаганы, урасы. Иные довольствуются снѣжнымъ шалашемъ (по якутски харъ балаганъ), иные мрачнымъ подземельемъ, куда ведетъ единственное отверстіе, продѣланное въ потолокъ. Дыра, впрочемъ большая, у нихъ и дверь, и свѣтовое окно, и труба дымовая.

Взглянемъ на живую картину домашняго быта въ человѣческой берлогѣ крайняго сѣвера.

Вотъ на одной квадратной сажени (воздуха $\frac{1}{2}$ куб. саж.) собрались, усѣлись, улеглись семь человѣкъ: мужчины, женщины, дѣти, всѣ раздѣтые по поясъ до нага. Ребятишки — въ чемъ мать-природа создала. И я тутъ же, наравнѣ со всѣми другими, честь имѣю быть. Сидимъ мы и потѣемъ въ большомъ семьянномъ пологу.

Вверху, подъ самымъ потолкомъ, подоткнутъ неизбежный бубенъ. Внизу разостланы оленье шкуры по землѣ, на мерзломъ грунтѣ, — это полъ. Въ переднемъ мѣстѣ черная лаханка, и тутъ же эфкъ изъ опоки — чаша съ ворванью — жирникъ горить, свѣтильня моховая.

Дымящійся койнѣнъ ходитъ по рукамъ. Хозяинъ затягивается первый. Онъ доволенъ судьбою, доволенъ собою, доволенъ гостями. Радужный хлѣбосоль, не безъ средствъ человѣкъ, цѣлое стадо домашнихъ оленей у него пасется на тундрѣ.

По его милостивому распоряженію, подали в пологъ беремья костей; то были ноги оленье сырыя совсѣмъ. Лучшее блюдо для лучшаго друга, для званнаго, жданнаго гостя. Мнѣ досталась бычья мостолыга съ мозгомъ. Всѣ прочіе взяли по мостолыгѣ и принялись свѣжевать. Пилили ножами, глодали зубали, драли когтями-ногтями.

Преоригинальная картина. Одна изъ самыхъ лучшихъ въ портфель моемъ. Съ удовольствіемъ теперъ я вспоминаю ее.

При тускломъ мерцаніи лампы, вечернею порою, въ кучку собрались нагіе люди, и что-же дѣлаютъ они? — Сырыя кости гложутъ!

У юкагира заведено собачье хозяйство. Процентовъ не хватаетъ. Онъ живетъ на счетъ капитала, который поэтому, рано ли, поздно ли, долженъ будетъ истощиться. Расходуемый капиталъ кажется юкагиру неистощимымъ океаномъ. Однако, океанъ сей поизсякъ уже довольно; что-же будетъ послѣ?

OCR: Андрей Дуглас